

ШЕПОТ РАЗБИТОГО НЕБА

Сергей Звонарёв

Сергей Звонарёв
Шёпот разбитого неба

«Автор»

2026

Звонарёв С.

Шёпот разбитого неба / С. Звонарёв — «Автор», 2026

Анела выжила чудом, когда её приют уничтожили. Она не помнит, откуда шрам от пули на плече и куда пропали родители. Но она слышит гул — эхо древней катастрофы, что породило магию этого мира. Её собственная сила дика и неконтролируема, как взрыв. В кармане — осколок корабля, упавшего с небес. В крови — сила, которую не признаёт ни один орден. Впереди — город, где правят машины, а магия карается смертью. Чтобы найти ответы, ей нужно добраться до легендарной башни магов. Её сила — ключ к прошлому всего мира. Но каждый раз, используя её, она рискует уничтожить себя. Сможет ли Анела найти правду, не став тем, чего больше всего боятся в Железном Спице — живым оружием?

© Звонарёв С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Падение	5
Глава 1: Тишина перед бурей	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Звонарёв

Шёпот разбитого неба

Пролог: Падение

Десять тысяч лет – это срок, достаточный, чтобы память стала мифом, а миф – прахом.

Земля, издыхающая в судорогах своих же ран, не сдавалась без борьбы. Последним актом ее отчаяния стали Ковчеги: гранильные семена, разбросанные по черной ниве космоса в надежде, что хоть одно упадет на добрую почву.

Один из таких семян, корабль «Сфинкс», с чудом сохранившимся в анабиозе грузом из миллионов душ, сбился с курса. Щиты, пожирившие последние крохи энергии, ревели протестом, когда он вошел в атмосферу незнакомой, сине-зеленой планеты. Не было мягкой посадки, не было героической высадки. Был огненный шар, рвущий облака, и удар, от которого содрогнулись континенты.

«Сфинкс» разбился, как стеклянная слеза о каменный пол. Его обломки, напичканные технологиями, непонятными даже своим создателям, ушли глубоко в плоть мира. Его энергетические сердечники, системы поддержания жизни и нейронные сети, ища выход, взорвались тишиной, не звуком. Они не распылили материю, а... переписали ее. Слили с тектоническими потоками, с магнитными полями, с самой жизненной силой планеты.

Так родились Нити – невидимые, мощные реки чистой энергии, опутавшие мир. Через тысячелетия они проступили на поверхность, как шрамы или как вены силы. Планета стала живым магнитом для чуда и проклятия.

Глава 1: Тишина перед бурей

Анела знала, что мир соткан из шепота.

Шепота сестер в коридорах Белого Монастыря, чьи белые одежды мелькали, как призраки, между колонн из резного песчаника. Шепота ветра, игравшего в узорчатых решетках ее кельи. Шепота Нитей, который она едва могла уловить – странное, едва уловимое жужжание на грани слуха, словно кто-то вечно водит пальцем по краю хрустального бокала.

Анеле было пятнадцать, и жизнь в Белом Монастыре научила ее двум вещам: слушать тишину и не задавать вопросов о прошлом. Она была высока и худощава для своих лет, как молодое деревце, выросшее в тени, – все углы, острые локти и колени. Ее густые, медно-рыжие волосы, непослушные и вьющиеся, вечно выбивались из-под простой полосы ткани, которую сестры позволяли ей носить вместо монашеского капюшона. Они были ее единственным ярким пятном на фоне белых стен и серых одежд.

Иногда, оставаясь одна, она бессознательно проводила пальцами по левому плечу, где под грубой тканью рясы скрывался странный шрам. Не царапина и не ожог, а аккуратное, круглое отверстие размером с монету, а на спине – чуть большее, неровное. Пулевое. Вход и выход. Единственная нить, связывавшая ее с жизнью "до".

Ее нашли в предгорьях шесть лет назад, истекающую кровью и горящую в лихорадке, рядом с телами двух взрослых – мужчины и женщины. Выжила чудом, заговорила через месяц, а вот вспомнить – так ничего и не смогла. Имена, лица, то, что случилось в тот день, – все стерлось, оставив лишь чувство глубокого холода, панику при резких звуках и этот немой шрам-печать на плече. Монахини, выхотившие ее, шептались, что, должно быть, она видела смерть своих родителей, и разум спрятал боль так глубоко, что не достать. Анела не спорила. Ей и без воспоминаний хватало ночных кошмаров, где вспыхивал ослепительный свет и гремел незнакомый, сухой треск.

Это прошлое делало ее одновременно и чужой среди сестер, и своей в тишине монастырских стен. Оно же, как она смутно чувствовала, было связано с тем глухим гулом, что звучал в ее ушах, когда все вокруг затихало. Гул, исходивший будто не извне, а из самой глубины той самой раны, что разделила ее жизнь на "до" и "после".

Анела стояла во внутреннем дворе, где ученицы практиковали начальные формы. Воздух искрился от Белой магии исцеления – мягкое, теплое свечение вокруг рук старшей сестры, латавшей сломанное крыло птенцу. На соседней площадке две послушницы, сосредоточенно наморщив лбы, пытались призвать Синюю магию иллюзий – над их ладонями дрожал, как мыльный пузырь, тусклый образ бабочки.

Анела сжала кулаки. Внутри нее что-то отзывалось на жужжание Нитей, слабый, глухой стук, будто она стояла по ту сторону толстой двери от праздника, на который ее не пригласили. Она протянула руку, пытаясь ощутить поток, поймать его, как учили: не хватать, а пригласить, не заставлять, а направлять.

На ладони вспыхнула искорка. Не упорядоченный свет Белой магии, не текучий образ Синей. Это была странная, переливчатая вспышка – на секунду в ней мелькнул и зеленый оттенок листвы, и желтый – солнечного света, и коричневый – земли. Искра шипящая, неконтролируемая. Она обожгла Анеле пальцы и погасла, оставив запах озона и горькое разочарование.

– Снова распыляешь силу, дитя, – раздался спокойный голос за спиной. Это была Мать-Настоятельница, ее взгляд был строг, но в уголках глаз таилась усталая грусть. – Ты пытаешься

поймать все Нити сразу. Магия требует выбора. Чистоты намерения. Белое лечит, Синее обманывает глаз, Зеленое говорит с жизнью, Коричневое повелевает камнем и почвой. А ты... ты слушаешь весь хор сразу и не можешь выделить один голос.

– Я слышу их всех, – тихо призналась Анела, сжимая обожженную ладонь. – И... еще что-то. Глухой гул. Давно. Как будто из-под земли.

Настоятельница замерла. Ее взгляд на мгновение стал отстраненным, будто она смотрела сквозь стены, через века.

– Эхо Падения, – прошептала она так тихо, что Анела едва расслышала. – Оно живет в некоторых душах. Не гоняйся за этим эхом, Анела. Ищи свой цвет. Свой путь. Иначе он сожжет тебя изнутри.

Но своего пути у Анелы так и не нашлось. Она была садовником без умения выращивать, целителем без дара лечить. Ее дни проходили в трудах по кухне и в библиотеке, среди свитков, где она тайком искала упоминания о «глухом гуле» и «большой башне в горах на востоке», о которой иногда, скрипя перьями, писали странствующие маги.

Буря пришла не с небес, а из леса.

Сначала завывали собаки. Потом с башенной стражи донесся обрывистый крик, заглушенный резким, чуждым звуком – не магическим звоном, а тупым ударом о камень. Воздух, всегда напоенный тихим гудением Нитей, вдруг взорвался хаосом.

Яркая зеленая молния ударила в ворота – магия племен, грубая, дикая, говорящая с силой роста и ядом. Дерево монстровски вздулось и лопнуло. На двор хлынули дикари в шкурах и костяных доспехах, их тела были исписаны светящимися знаками. Их магия была не изящной, как у сестер. Она была оружием: из земли вставали корни-удавки, по камням ползла черная гниль, стрелы, обвитые колючками, летели с нечеловеческой силой.

Белые сестры встали на защиту, их ладони излучали щиты ослепительного света. Синие соткали миражи, чтобы сбить врагов с толку. Но страшнее дикой магии было другое. Среди воплей дикарей раздавались резкие, шипящие звуки, не имеющие ничего общего с гулом Нитей – будто рвался раскаленный металл. Из-за спин воинов выдвинулись несколько рослых фигур в грубых кожаных доспехах, на которых болтались связки проводов и потрескавшиеся энергоячейки. В их руках потрескивали устройства, напоминающие сросшиеся корни и металлические трубы, – кустарные бластеры, собранные из обломков древности.

Ядовито-зеленые лучи, холодные и бездушные, прошивали воздух. Там, где щит Белой магии отражал живой огонь или ядовитые шипы, против этих лучей он был почти беспомощен. Они не ломали чары, они разъедали их, как кислота, оставляя после себя воронки из оплавленного камня и ужасную тишину. Один такой луч, с диким гулом вырвавшись из перегретого ствола, ударил в колонну рядом с Анелой, и не магия, а именно сокрушительная физическая сила взрыва отшвырнула ее в темноту подвала... Дикарей было слишком много, их магия слишком... чужая. Она не струилась по Нитям, а рвала их, как ткань.

Не магия, а сокрушительная физическая сила взрыва оглушила ее и отшвырнула, как щепку. Она приземлилась на груды обломков, боль пронзила бок, а в глазах плавали багровые круги. Сквозь звон в ушах она услышала последнюю, отчаянную команду Матери-Настоятельницы: "В укрытие! В хранилище!"

Едва подняв голову, Анела увидела тот самый финальный акт. Настоятельница, окруженная сиянием, приняла последний бой. Ее руки описывали в воздухе сложный узор, растворяя атаку дикого шамана в снопе искр. Но в этот момент один из дикарей с бластером, перезаряжая его раскаленную энергоячейку, прицелился в спину старейшины. Хриплый крик Матери-Настоятельницы – "Беги, дитя!" – слился с шипением еще одного луча. Свет вокруг нее погас, как перебитая свеча. Темная зеленая петля магии шамана, уже ничем не сдерживаемая, сжала пустое место, где она только что стояла.

В Анеле что-то оборвалось. Инстинкт самосохранения, острый и холодный, наконец пересилил парализующий ужас. Воспользовавшись тем, что взрыв образовал груды обломков, скрывавшую ее от прямого взгляда, она поползла. Не думая, не чувствуя боли, она двигалась к знакомому люку в полу дальнего зала – входу в подвал, в хранилище древних артефактов. Ее пальцы, скользкие от пыли и чего-то липкого, нашли железное кольцо. Она рванула его на себя, соскользнула в темноту и, из последних сил, захлопнула тяжелую крышку из черного дерева и стали, услышав сверху довольный рык. Она забилась в дальний угол, за ящик с выцветшими символами, среди которых ей когда-то померещилась знакомая форма: контур падающей звезды.

Сверху доносились крики, взрывы, треск. Потом... тишина. Густая, как смола. И запах. Запах гари, крови и странной, сладковатой пылицы – следа дикарской магии.

Она просидела так до рассвета, не смея дышать. Когда первый луч солнца упал через решетку подвала на пол, он осветил обломок с тем самым знаком. Анела, дрожащими руками, взяла его. Металл был мертвым, но в ее ладони, обожженной вчерашней искоркой, он казался... теплым.

Она выползла на пепелище. От Белого Монастыря остались дымящиеся руины и тишина. Ничего живого.

В кармане ее простого платья лежал обломок с неземным знаком. В ушах стоял все тот же глухой гул, теперь смешавшийся с тишиной смерти. И перед внутренним взором – единственная надежда: смутные легенды о **Вершине Видений**, башне ордена магов где-то далеко на востоке, в неприступных горах.

Она повернулась лицом к восходящему солнцу, к густому лесу, за которым высились силуэты далеких синих пиков. Ее путь заканчивался здесь. И здесь же начинался.

...Она просидела так до рассвета, не смея дышать.

Когда сверху наконец пробилась не просто тишина, а гробовая, завершенная тишина, сменившая шум битвы, Анела поняла: пора выбирать. Но идти с пустыми руками в незнакомый мир, полный дикарей с лучами и чужой магией, было безумием.

При свете узкой полосы пыльного солнца, падавшей через решетку, она начала рыться в ящиках. Ее движения были резкими, дрожащими – не от страха теперь, а от адреналиновой решимости. Она искала не сокровища, а инструменты выживания.

Из разбитого ларя с монастырской утварью она вытащила небольшой, но прочный кожаный ранец. Наполнила его тем, что нашла в полутюме:

– Из кухонных запасов – пригоршню сушеных ягод и полоски вяленого мяса в вошеной ткани.

– Из разлитой по полам настойки – две маленькие, туго закупоренные керамические фляги с водой.

– Из разбросанных инструментов – небольшой, острый как бритва кривой нож для резьбы по кореньям (он со скрипом вошел в самодельные ножны из обрезка кожи).

– Из разорванной сестринской рясы – клубок прочной нити и пару толстых игл.

Но самое важное лежало в стороне, в так называемом "зале молчащих артефактов" – странных предметах, не откликающихся на Нить. Там ее руки нашли:

– Тот самый обломок с символом падающей звезды. Металл был холодным, но когда она сжала его в ладони, на секунду показалось, что глухой гул в ее ушах стал четче, будто нашел точку опоры.

– Несколько мелких, отполированных временем осколков "небесного камня" (так сестры называли непонятные сплавы). Один был острым, как стекло, другой – плоским и зеркальным. Их можно было использовать как инструмент или менять на еду.

– И, на самом дне ящика, маленький, теплый на ощупь кристалл в оправе из тусклого металла – "сердечник" от чего-то давно сломанного. Он слабо пульсировал тусклым синим светом, когда она его коснулась. Магия в нем была иной, не живой, а запертой, как вода в колодце. Сестры не могли его использовать, но Анела, всегда слышавшая "гул", взяла его почти инстинктивно.

Напоследок, уже у выхода, ее взгляд упал на пол. Среди пыли и осколков валялась половина деревянной таблички с выцветшей мантрой Белого исцеления – первое заклинание, которое она когда-то пыталась, и безуспешно, освоить. Она подняла ее и сунула в ранец. Не как магический фокус, а как память. И как обещание самой себе.

Ранец оказался тяжелым, ремни впивались в плечи. Но эта тяжесть была конкретной, реальной. В ней не было беспомощности. В ней был шанс.

С этим шансом за спиной Анела поднялась по грубо вырубленным ступеням к люку, ведущему в мир, где не осталось ничего знакомого.

Анела сделала первый шаг в неизвестность, оставив за спиной пепел своего детства. Она не знала ни дороги, ни магии, чтобы защититься. Но она знала, что должна идти. Потому что эхо Падения в ее душе теперь звучало громче тишины. Оно стало ее единственным проводником.

Первые два дня были прожиты в ритме усталости и новой, непривычной свободы, от которой щемило под сердцем.

Первый день Анела шла почти бегом, подгоняемая адреналином и страхом, что за ней идут. Она свернула с едва заметной тропы в Багровые холмы, названные так из-за лишайника, покрывавшего камни. Ела она дважды, жадно, но малыми порциями: несколько сушеных ягод и крошечный кусочек вяленого мяса, запивая глотком воды из фляги. Ночь застала ее в небольшой расщелине. Она завернулась в простой шерстяной плащ, взятый из запасов, и не спала, прислушиваясь к каждому шороху. Гул Нитей здесь был слабым, рассеянным, как далекая музыка из-под земли.

На второй день скорость сменилась выносливостью. Ноги ныли, ремень ранца натер плечо. Она встретила ручей с чистой, холодной водой и рискнула наполнить фляги, добавив для очистки щепотку монастырских горьких листьев из маленького мешочка. К полудню она позволила себе разжечь крошечный, почти бездымный костерок из сухого корня (его научили разводиться в монастыре для ритуалов) и подогреть воду с толчеными зёрнами. Это был ее первый горячий обед за двое суток, и он казался пиром. Именно тогда, сидя у огня, она впервые позволила себе заплакать – тихо, чтобы не потушить плачем слабый огонек.

К вечеру второго дня холмы сменились заброшенными полями, где среди бурьяна торчали скелеты древних сельхозмашин "Сфинкса", похожие на гигантских каменных жуков. И здесь ей повезло. Запах дыма и стук топора привели ее к одинокой, крепкой ферме под сенью

большого дуба. Хозяин, бородатый мужчина по имени Горст, увидев ее изможденный вид и монастырский плащ (который хоть что-то значил в этих краях), не прогнал, а пригласил на порог.

Он дал ей миску густой похлебки с ячменем, кусок грубого, душистого хлеба и чашку кислого молока. Пока она ела, жадно и стараясь не показать виду, Горст рассказывал.

– В Железный Спиц? – он хмыкнул, почесав щетину. – Девочка, да тебе еще дней пять, а то и шесть, если ноги молодые. Дорога поведет через Ржавый Лес. – Он помрачнел. – Место недоброе. Деревья там из металла не растут, нет, но земля больная, вода странная. И зверье... есть там серые тени. Не волки, не рыси. Хищники, что чуют слабость. Днем отсиживаются, на закат выходят. Света и огня боятся, как и всякая нечисть. У тебя есть огниво?

Анела молча кивнула, показывая свой трут.

– И славно. Ночуя там, костра не гаси. А лучше всего – обойди. Но чтобы обойти, добавишь к пути дня два... – Он внимательно посмотрел на ее худые, но цепкие руки и решительное лицо. – Нет, вижу, ты пойдешь напрямик. Только помни: в Спице магию не жалуют. За ношение посоха или чтение свитков на улице могут и в яму бросить. Сила у тамошних старшин – в железе, в паре да в порохе. Спрячь, если что есть, и язык за зубы.

Он дал ей на дорогу лепешку с сыром и клубок крепкой нитки. Анела, расплатившись одним из мелких зеркальных осколков (глаза Горста блеснули интересом – хороший материал для прицелов или инструментов), двинулась дальше с полным животом и тяжелым сердцем. Предупреждение о лесе и городе звучало в ушах громче благодарности.

На третий день она вошла в Ржавый Лес. Воздух и впрямь стал "пустым", а земля – буро-красной. Деревья, корявые и низкие, были обычными, но листья на них были тусклыми, будто припыленными металлической пылью. Чувство одиночества здесь стало физическим, давящим. Она шла весь день, не встречая ни птиц, ни зверья, и это пугало больше любого шума.

Атака началась на закате, точно, как предупреждал фермер.

Из-за ствола, обвитого лианами цвета окиси, вышла серая тень. Это был зверь размером с крупную собаку, но сложенный как кошка-падальщик: гибкий, низкий к земле, с огромными, приспособленными для рытья лапами. Его шкура сливалась с сумерками и краснотой почвы, а глаза светились тусклым желто-зеленым фосфоресцирующим светом. Пасть была усеяна игольчатыми зубами. Это был роющий гнолл – тварь, что чувствовала вибрацию шагов и выходила на ослабевшую добычу.

Анела замерла. Нож в ее руке выглядел жалко. Она попятилась, натываясь на корни. Гнолл издал гортанное урчание и сделал стремительный выпад, не чтобы укусить, а чтобы сбить с ног.

И снова, как и в монастыре, страх прорвался наружу не криком, а гулом. Тот самый, глубинный, знакомый гул, что жил в ее костях. На этот раз она не просто вскинула руки – она, отшатываясь, топнула ногой оземь, отчаянно желая, чтобы земля встала между ней и тварью.

И земля откликнулась. Не щитом и не стеной. Из-под ног гнолла, с сухим треском, вырвался веер острых, как стекло, каменных шипов. Это была не чистая Коричневая магия – шипы были покрыты странным сизым, металлическим налетом, будто ржавчиной. Один из шипов чиркнул по боку зверя, оставив не кровоточащую, а будто бы окисляющуюся рану. Гнолл взвыл – звук высокий, полный боли и недоумения. Он отпрыгнул, фосфоресцирующие глаза на мгновение поймали взгляд Анелы, полный того же дикого ужаса и мощи, что и его собственная боль. И затем тень растворилась в сгущающихся сумерках.

Анела стояла, опираясь на дрожащие руки о колени. Ее тошнило. Во рту был вкус железа и пепла. Вся энергия, казалось, вытекла через стопы в тот единственный, разрушительный толчок. Каменные шипы медленно, с шелестом, рассыпались в рыжую пыль.

Она с трудом разожгла костер, руки не слушались. Пламя, обычное, теплое, не магическое, стало ее единственной защитой. Прижав к груди ранец с обломком "Сфинкса", она смотрела на огонь, чувствуя себя не победительницей, а монстром, не меньшим, чем тот гнолл. Ее сила была дикой, связанной с этой больной землей, и она отнимала у нее самое себя.

На следующее утро, с тяжелой головой и ноющей пустотой внутри, она увидела на горизонте частокол дымовых труб и тусклое зарево огней Железного Спица. Город, где ее единственное умение было преступлением. Она поправила ранец, скрыв плащ, и пошла навстречу дыму и железу, храня в себе тихое, ржавое эхо своего первого боя.

Ворота Железного Спица оказались не деревянными, а сварными, из грубых стальных листов. Их охраняли не стражи в латах, а угрюмые мужчины в промасленных кожанках с длинноствольными ружьями и дубинками, на концах которых потрескивали искры "тихого гнева" – примитивные электрошокеры. Воздух гудел не от Нитей, а от грохота механических прессов где-то в глубине и вонял угольной гарью и кислым потом.

Анелу обыскали. Стражник, нащупавший в её рюкзаке обломок "Сфинкса" и холодный кристалл, лишь фыркнул: "Хлам с Пустошей. Не контрабанда". Деньги он потребовал металлические – не монеты, а прессованные жетоны разного достоинства из сплавов, на которых были вычеканены шестерни, молоты и профиль Первого Инженера. У Анелы не было ни жетона. Её спасло случайное внимание проводника обоза Лорена – коренастого, вечно чем-то недовольного мужчины с лицом, прокалённым ветром и угольной пылью.

– Эй, стражник, не гони! – хрипло крикнул он, подходя к воротам на своем грузном паровозе-тягаче, дышащем клубами белого пара. – Это та самая девчонка из Белого Монастыря. Возил им муку да медикаменты. Видал её. Что с неё взять-то?

Лорену поверили – его знали. Он поручился за неё, сунув стражнику пару медных жетонов-"зубцов". Анелу впустили, но не как гостью. Как проблему.

Лорен не был сентиментален. Он провёл её через грохочущие, закопчённые улицы, мимо домён, изрыгающих адское пламя, к своему дому – крошечной каменной коробке в тени Водонапорной башни.

– Плащ монашек тебя здесь сожрёт, – бросил он, подавая ей свёрток. – Носи это.

Новая одежда оказалась грубыми штанами из брезента, потёртой, но прочной рубахой и коротким кургузым жакетом из плотной ткани – типичной униформой низшего рабочего. В ней Анела чувствовала себя невидимой и чужой одновременно.

Лорен дал ей кров и миску похлёбки не просто так. У него была дочь, Мирра, лет десяти, которая с рождения страдала от "ржавой хвори" – кашля с кровавой пеной и приступов слабости, которые местные лекари списывали на "вдыхание частиц металла". Лекарства стоили целое состояние в "стальных плитках" – серебристых высокодонорных жетонах. Лорен водил тягач за копейки.

– Если хочешь заработать на билет в Стекольный Перевал (ближайшая остановка горного поезда), – буркнул он, – поможешь в депо с разгрузкой. Два дня – одна "плитка". На поезд нужно пятнадцать.

Работа в депо была каторжной и оглушающей. Воздух был густ от пара, масла и угольной пыли.

Город за стенами депо являл собой ярусный кошмар... Эта структура была не просто архитектурной – она была законом, отлитым в металле и прописанным в Уставе. Всё в Железном Спице работало по принципу единой машины, и её главным топливом была "ржавая руда" – особый минерал с окраин Пустошей, который при переплавке в домах "Чаши" давал необыкновенно прочную сталь и, как побочный продукт, едкий, магически инертный газ. Этот газ, называемый "удушьем", был основой городского благосостояния: его закачивали в баллоны и продавали в Стекольный Перевал и другие анклавы как идеальное средство для тушения магических пожаров и создания защитных барьеров против аномалий. Спиц торговал контролем над хаосом, который сам же и порождает своей жадной разработкой недр.

Общество здесь делилось не по богатству, а по функции и допуску. Внизу, в "Чаше", жили "Функции" – рабочие, грузчики, очистители фильтров. Их оплата – медные "Зубцы" с изображением шестерни. Выше, на "Обручах", обитали "Регуляторы" – мастера, бригадиры, инженеры низшего звена. Их жалование выдавали стальными "Плитками" с профилем Первого Инженера. На "Коронной платформе" правили "Инженеры-Алгоритмы" – управленцы, чьи семьи владели акциями заводов. Они использовали "Чертежи" – тяжёлые жетоны из белого сплава с вытравленными схемами, которые были не просто деньгами, а пропусками к закрытой информации и привилегиям. Переход между кастами был теоретически возможен за исключительные заслуги, но на практике почти не случался: система была настроена на вечное самовоспроизводство.

Управлял всем Совет Главных Инженеров, или "Вычислительный центр". Их власть опиралась не на магию, а на "Принцип Неотвратимости" – всепроникающую систему слежки, доносов и предсказуемых, суровых наказаний. Любое отклонение от нормы, будь то поломка станка, дефект в партии руды или подозрительное поведение, рассматривалось как "сбой в алгоритме", который нужно немедленно локализовать и устранить. Именно этот принцип, а не стены, удерживал "Чашу" от бунта, а "Корону" – в уверенности, что даже дым не посмеет подняться к ним без приказа.

Именно в депо, во время изнурительной смены по разгрузке угольных брикетов, Анела столкнулась с Нильсом. Он был старше её лет на двадцать, с усталым, интеллигентным лицом, нелепо контрастирующим с засаленной робой и руками в струпьях. Когда тяжёлый ящик чуть не придавил Анеле ногу, он молча оттащил его, кивнув на её неумелые попытки.

– Не рви спину, девонька. Тут ценят не скорость, а выносливость. – Его голос был тихим и образованным, без привычного хриплого акцента обитателей "Чаши".

Во время короткого перерыва у ржавой цистерны с тёплой водой он заговорил. Говорил, глядя куда-то вдаль, сквозь копоть и пар.

– Я был богат. В Стекольном Перевале. – Он выдохнул горькую усмешку. – Не деньгами – знаниями. Семейная мастерская, ремонт оптики, сложных приборов. Там... там к магии относятся терпимо. Вернее, не выжигают её калёным железом. Интересуются, изучают, стараются приспособить. Мой брат увлекался, коллекционировал древние артефакты.

Нильс замолчал, сжимая кружку так, что побелели костяшки пальцев.

– А потом его "вычислили". Донос. Говорят, он пытался вдохнуть жизнь в какую-то древнюю "игрушку" из времён Падения. Машину. Взорвалось. Погиб он, погибли двое стражников... а я, как родня еретика, лишился всего: мастерской, прав, статуса. Вот и оказался здесь, в Железной Утробе, грузу уголь. Чтобы выжить.

Его история повисла в воздухе, густом от грохота.

– Зачем тебе туда, в Перевал? – вдруг спросил он, испытующе глядя на Анелу. – Там тоже не рай. Но... там есть Академия Наблюдателей. Им интересно всё странное: и древние механизмы, и те, кто может их оживить. Или кто слышит то, чего другие не слышат. – Его взгляд скользнул по лицу Анелы, будто ища в её глазах отзвук того самого "гула". – Если у тебя есть что-то... необычное, и ты ищешь не просто убежища, а ответов – твой путь лежит именно туда.

Свисток надсмотрщика резко оборвал разговор. Нильс встал, снова превращаясь в сгорбленного носильщика.

– Удачи, девонька. И помни: в Спице тебя сожрут. Здесь ненавидят всё, что не поддаётся логике молота и наковальни. А в Перевале... по крайней мере, попытаются понять, прежде чем сломать.

Эта встреча стала для Анелы откровением. "Стекольный Перевал" перестал быть просто точкой на маршруте. Теперь это была цель с именем и смыслом: Академия Наблюдателей. Место, где её дар, может быть, не убьют сразу, а попробуют изучить. И где, возможно, хранятся знания о таких же, как она, и о тайне "Сфинкса".

Но чтобы добраться туда, нужно было заработать пятнадцать "плиток". И выжить в городе, где за разговор о магии можно было лишиться не только работы, но и жизни. История Нильса была мрачным напоминанием: Железный Спиц не прощал чужаков и их секретов.

Но по ночам, когда Лорен уходил в ночную смену, Анела подходила к кровати спящей Мирры. Она клала на простыню рядом с девочкой свою древнюю табличку с мантрой исцеления и, закрыв глаза, пыталась не на колдовать, а слушать. Слушать не гул города, а тихий, сбитый ритм в груди Мирры. Она едва касалась воздуха над её легкими, и её пальцы сами по себе начинали слегка светиться тёплым, неровным светом. Ничего не происходило. Лишь раз, на рассвете третьей ночи, Мирра, не открывая глаз, вздохнула глубоко и ровно, и на её губах не выступила привычная пена. Утром она сказала отцу, что ей "снилось о зелёном лесе".

На следующий день, после тихой ночи, он молча бросил на стол перед ней не один, а две стальные плитки. Гладкие, холодные, с суровым профилем Первого Инженера на одной стороне и загадочной схемой на другой.

– Это не плата за работу, – буркнул он, отводя взгляд. – Дочка... дышать стала ровнее. Вчера даже усмехнулась. Так не бывает. Бери. И уезжай быстрее.

Он не сказал "спасибо". В Спице за доброту не благодарят – нарушают бюджет. Но эти две плитки, весом в двадцать "зубцов", кричали о благодарности громче любых слов. Это была не просто оплата – это была оценка её чудовищного, запретного дара, выраженная в единственном языке, который этот город уважал: в универсальном эквиваленте труда и стали.

– Поезд на Перевал уходит послезавтра с Восточного депо. Ты накопила восемь. Остальные... считай авансом. – Он отвернулся, поправляя прокладку на стыке трубы. – И Анела... не возвращайся. Для таких, как ты, в Спице места нет. Даже с добрым сердцем.

Он знал. И не выдал. Это был её первый, самый ценный заработок в Железном Спице – не жетоны, а молчаливое доверие и шанс уйти, пока город не распознал в ней то, что ненавидел больше всего: саму суть магии, тихо шепчущую у постели больного ребёнка.

Слух расплозлся быстрее ржавчины. Он начинался с шёпота в очередях у водонапорной колонки и заканчивался тихим стуком в дверь её каморки глубокой ночью. "Девочка из Пустошей... может быть, облегчит..."

Сначала пришла старая женщина с "стеклянными" лёгкими, чьё дыхание звучало как хруст раздавленного фарфора. Потом – молодой парень с тремором в руках после аварии на прессе, его пальцы не слушались. Анела отказывалась. Но они смотрели на неё глазами, полными той же животной надежды, что она видела в глазах умирающих сестёр. И она сдавалась.

Она не творила чудес. Она лишь прикладывала руки, слушала сбитый ритм болезни и позволяла тому самому гулу – тёплому, пульсирующему – вытекать из себя тонкой струйкой. После таких сеансов её тошнило, а в ушах стоял оглушительный звон, но на щеках больных проступал румянец, а хрипы стихали на день, на два. Она покупала им время. И тратила своё.

Лорен, узнав, что она не остановилась на Мирре, лишь мрачно хмыкнул: "Ты роешь себе могилу добротой, девонька. В Спице за доброту не спасибо говорят, а доносы пишут".

Донос пришёл не от тех, кому отказала, а от соседа-пьяницы, которого раздражал ночной шёпот за стеной. Он решил, что Анела – шпионка с Перевала, и сообщил "куда следует" в надежде на жетон за бдительность.

Началось с малого. Инженер по безопасности участка "Дельта-4", Генрик Вульф, появился в депо без предупреждения. Высокий, сухой, с лицом, напоминающим топографическую карту шрамов, и глазами цвета свинцовой дроби. Он не задавал вопросов. Он наблюдал. Его взгляд, лишённый всякой теплоты, скользил по Анеле во время разгрузки, будто пытаясь разобрать её на составные части, как неисправный механизм.

Потом её впервые вызвали "на беседу" в комнату с голыми стенами и столом, прикрученным к полу. Вульф сидел напротив, медленно перебирая досье – листок с её жалкими анкетными данными.

– Анела. Сирота. Беженец с Пустошей. Работает хорошо. Живёт тихо. – Его голос был ровным, как гул трансформатора. – Странно. Обычно вашего брата тянет на воровство или пьянство. А вы... слишком тихие. Слишком незаметные. Меня это беспокоит.

Он отпустил её, но петля затянулась. За ней теперь присматривали. Её каморку периодически обыскивали в её же отсутствие, вещи аккуратно сдвигались на полсантиметра. Она жила в клетке из невидимых стен.

Билет на официальный поезд был теперь чистым безумием. Её фото и имя, возможно, уже лежали в столе у Вульфа. Нужен был другой путь.

Через цепочку полунамёков (тут помог всё тот же Нильс, который сам боялся теперь с ней заговаривать) она вышла на Григора. Григор не был контрабандистом. Он был "логистом" – человеком, который за соответствующую плату мог "утерять" груз, "пересортировать" вагоны и "не заметить" лишний живой груз в угольном тендере. Его контора помещалась в задней комнате пошивочной мастерской и пахла дешёвым табаком и страхом.

– Двадцать плиток. До Перевала. В ящике с запчастями для дробилок. Воздуха хватит. Трясти будет знатно, – бубнил он, не глядя ей в глаза. – И плюс работа. Без работы – никак.

"Работа" оказалась точечной. На одном из удалённых путей, куда иногда ставили вагоны для "особых проверок" Вульфа, Григору нужно было, чтобы "сломался" новый детектор магнитных аномалий. Прибор, недавно завезённый из Перевала и сводивший с ума своей чувствительностью всю нелегальную логистику.

– Ты с Пустошей. Говорят, там такая хрень в воздухе витает, что техника с ума сходит. Подойди, подыши на него. Может, и клинит. – В его глазах читался не расчёт, а отчаяние. Ему тоже давили.

Анела поняла. Её не просто использовали. Её уникальность – её проклятие – становилась валютой. Она согласилась.

Но за ночь до запланированной "поломки" пришла мать с ребёнком. Мальчик, лет пяти, с кожей, покрытой странными, похожими на окислы, язвами. "Синдром шлаковой сыпи" – болезнь детей "Чаша", дышащих ядовитыми испарениями. Женщина рыдала, умоляла, суя в руки Анелы единственное, что имела – медальон с портретом давно погибшего мужа.

Анела сдалась. В последний раз. Она знала, что это ошибка. Но не сделать этого она не могла. Сеанс был долгим, изматывающим. Ребёнок заснул ровным сном, язвы потускнели. Анела же, выйдя под утро подставить лицо кислотному дождю, увидела в конце переулочка неподвижную тень в длинном плаще. Генрик Вульф. Он стоял и смотрел. Не на дом. На неё. Его лицо было каменным, но в глазах вспыхнуло холодное, безжалостное понимание. Он всё видел.

Её раскрыли.

Теперь счёт пошёл на часы. Она бросилась к Григору.

– Меня ждут сегодня ночью у старого водоканала. Всё, что у меня есть, – пятнадцать плиток. И я сделаю твою "работу" прямо сейчас. Сегодня. Или тебя Вульф будет допрашивать обо мне завтра утром.

Страх в глазах Григора был лучшим аргументом. Он кивнул.

Той же ночью, под прикрытием индустриального ливня, Анела прокралась к одинокому вагону-лаборатории. Приложив ладони к холодному корпусу детектора, она не "ломала" его. Она перегрузила, впусив в него щупальца своего собственного, дикого поля. Прибор завизжал, на табло загорелись все лампочки, а потом с треском погас, запахло палёной изоляцией.

Через два часа, дрожа от холода и истощения, она забиралась в тесный, прокопчённый ящик среди запасных частей дробилки. Григор, бледный как смерть, захлопнул крышку.

– Через трое суток будем на сортировке у Перевала. Кто-то откроет. Не сдохни по дороге.

Дверца захлопнулась, погрузив её в абсолютную, давящую тьму и тишину, нарушаемую лишь грохотом колёс и бешеным стуком её собственного сердца. В ушах стоял вой Нитей, сплетающийся со свистом ветра в щелях вагона. Она сбежала. Но цена оказалась чудовищной: она оставила за собой хвост из сломанных судеб, разгневанного инквизитора и кровавый след своей собственной, неконтролируемой силы.

Железный Спиц выплюнул её, как инородное тело. И теперь ей предстояло понять, что ждёт её в Стекольном Перевале – спасение или просто новая, более изощрённая ловушка.

Товарный состав, на котором сбежала Анела, пришёл не на главный вокзал, а на сортировочную станцию "Горло", вбитую в скалу под основным городом. Здесь не было голубого света хрустальных шаров. Здесь горели коптящие факелы, а воздух гудел от грохота переставляемых вагонов и криков грузчиков – "сосулек", как их здесь звали, людей в грубых одеждах с нашитыми светящимися полосками для работы в полутьме.

Ящик вскрыл не служащий Академии, а хмурый мастер-приёмщик с щупом в руке. Увидев Анелу, он не удивился.

– Ещё один "сухой груз" с юга, – буркнул он, ставя в грязный список галочку. – На выход. Дальше сам выкручивайся.

Она вывалилась на платформу, заваленную угольной пылью и обломками упаковки. Это была не величественная станция в скале, а его кишечник. Отсюда, через "Горло", в город поднимались ресурсы: уголь из шахт, руда, а теперь и она – живой, неучтённый ресурс с диковинным даром.

Путь наверх вёл не по светлым галереям, а по служебным тоннелям- "пищеводам", узким, пропахшим человеческим потом, маслом и влажным камнем. Эти тоннели вывели её не на парадные улицы, а в "Нижнее Стекло" – лабиринт под основным городом, где в полумраке под сводами природных пещер и старых подвалов ютились те, кто обслуживал сияющий город над головой: мойщики стеклянных труб, чистильщики стоков, ремонтники внешних конструкций. Магия здесь была приземлённой, грубой: тусклые светящиеся грибки на стенах вместо шаров, шепотки-обереги от падения в пропасть, знахари, впаривающие мази от "стеклянной лихорадки" – болезни тех, кто постоянно работает с магически активными материалами.

Академия наблюдала за этим сверху, буквально и фигурально, но не вмешивалась. Это был естественный отстойник, фильтр для нежелательных элементов.

Чтобы не замерзнуть и не умереть с голоду, Анеле пришлось продать одну из своих двух стальных "Плиток". На чёрном рынке "Нижнего Стекла", где торговали краденым инструментом и контрабандным спиртом из Спица, её жетон приняли с насмешкой, но дали за него пригоршню местных "сколков" – мелкой монеты, буквально сделанной из осколков бракованного магического стекла. На эти деньги она сняла угол в ночлежке "У треснувшего светильника" и купила миску жидкой каши.

Её способности быстро стали заметны. Не Академии, а местному "смотрящему", бывшему шахтёру по прозвищу Слепой Грек (он потерял глаз в завале, но второй видел слишком много). Он заметил, как она инстинктивно обходит места "подозрительного давления" в воздухе – точки магического напряжения, опасные для неприспособленных.

– Чутьё есть, – констатировал он, предложив "работу". – У меня парень пропал. Искал старый "прииск" – заброшенную жилу магических кристаллов в нижних пещерах. Чует сердце, он там и сгинул. Найдёшь вход или след – скажешь. Плата – кров, еда и чистые "сколки". Не найдёшь... сам понимаешь, у нас тут лишних ртов нет.

Это была не охота за знаниями, а грязная работа по контракту с подпольем. Но выбора не было. Используя свою Карту и собственный гул как лозу, Анела несколько дней бродила по нижним, не нанесённым ни на какие схемы тоннелям. Она нашла не парня, а запечатанный

аварийным щитом "Сфинкса" люк, от которого веяло таким знакомым, тоскливым холодом. И рядом – обрывок кожаной обмотки и сизый, неестественный пепел. Она принесла обмотку Греку. Тот побледнел, заплатил и велел забыть дорогу к тому тоннелю.

– Это не наш улов. Это "паёк" для Наблюдателей сверху. Иногда они... роняют крошки со своего стола. А мы за ними подбираем.

Слух о "девчонке с юга, что может тропы к старью искать", однако, пополз наверх. Не в Академию, а к её "периферии" – к подрядчикам, поставщикам, охотникам за артефактами, которые делали грязную работу для учёных мужей.

Через неделю к ней в ночлежку пришёл худой человек в очках с закопчёнными стёклами, представившийся лаборантом Фениксом.

– Мне сказали, вы можете провести к "точке разлома" в восточных коллекторах, не вызывая резонанса, – сказал он без предисловий, перебирая приборчик, похожий на тот, что был у стражи на вокзале. Прибор тихо пищал в её присутствии. – Академии нужны образцы. Я плачу "сколками" и... пропуском наверх, в "Среднее Стекло". Без вопросов. Вы выполните мою задачу, а я исполню вашу мечту.

Это был не добрый жрец знаний, а циничный делец от науки. Но его предложение было единственным лифтом из подземного ада. Анела согласилась. Её следующее "путешествие" было не через горы, а вглубь городских недр, на роль живого щупа для академического авантюриста, который, возможно, так же легко бросит её в следующей опасной аномалии, как и вытащит на свет.

Так началось её восхождение в Стекольном Перевале – не с парадного входа в храм знаний, а с грязного пола его подсобок, через сделки с его теньвыми обитателями. Прежде чем увидеть шпили Академии, ей предстояло узнать цену, которую этот город, как и предыдущий, брал со всех, кто хотел подняться со дна.

Работа на лаборанта Феникса не была исследованием. Это была опасная санация. Его интересовали не артефакты, а "точки напряжения" – места, где энергетическое поле "Сфинкса" прорывалось в мир, угрожая стабильности городских тоннелей. Академия выделяла скудные гранты на их локализацию и "гашение", и Феникс, карьерист без таланта, но с связями среди "сосулек", использовал Анелу как живой детектор.

Их первый поход был в "Восточные коллекторы" – заброшенную систему дренажа, где вода капала с ржавых труб, а в воздухе стояло сладковатое гниение. Анела шла впереди, держа перед собой свою Карту. Пластина была холодной, но по мере продвижения на ней зарождался и пульсировал мутный, багровый узор, словно кровоподтёк. Гул в её ушах нарастал, превращаясь в давящую головную боль.

– Ближе, – выдохнула она, останавливаясь перед развилкой. – Справа. Там... не просто точка. Там что-то копошится.

Феникс, не скрывая жадного интереса, настраивал свой прибор. "Копошение" оказалось колонией слепых насекомых-скорпионов, чьи хитиновые панцири переливались неестественным, поглощающим свет металлическим блеском. Они были заражены энергией разлома. Анела, повинаясь не логике, а инстинкту, протянула к ним руку не с агрессией, а с тем же чувством, с которым слушала больных в Спице – пытаясь ошутить рисунок их искажённой жизни. Чудовища замерли, их щелкающие хвосты на мгновение затихли. Этого было доста-

точно. Феникс выстрелил из компактной криогенной пушки (ещё один продукт торговли с Спицем), заморозив их в глыбы мгновенного льда.

– Отлично. Ты не просто чувствуешь. Ты... успокаиваешь аномалию, – констатировал он, смотря на неё уже не как на инструмент, а как на уникальный образец. – Это дорогого стоит. Дороже сколков.

Платой стал пропуск в "Среднее Стекло" – жилые и ремесленные кварталы, где свет магических шаров был ярче, воздух чище, а люди носили одежду без заплат. Феникс устроил её подсобным работником в архив нижнего уровня Академии – гигантского комплекса, встроеного в самый высокий стеклянный шпиль. Её обязанностью было протирать пыль с ящиков, в которых хранились отчёты вековой давности, чертежи неудачных экспериментов и каталоги конфискованных у дикарей артефактов. Это была скучная, унижительная работа, но она давала ей кров в каморке при архиве и доступ к крохам знаний.

Именно здесь, в пыли архива, она наткнулась на папку с грифом "Синдром резонансного восприятия. Классификация предварительная". Внутри были описания случаев, удивительно похожих на её собственный: головная боль, гул, спонтанные выбросы энергии, притяжение к артефактам "Сфинкса". Вывод учёных был лаконичен и холоден: "Носители синдрома демонстрируют неконтролируемую и саморазрушительную психофизическую реакцию на остаточные поля Корабля-Предтечи. Прогноз: деграция нервной системы, преждевременная смерть или спонтанная нуллификация (растворение в энергетическом поле). Эффективных методов коррекции не выявлено. Рекомендация: изоляция и изучение в контролируемых условиях."

Она была не уникальным избранной. Она была больной. И Академия, которую она искала как прибежище, видела в ней лишь будущий труп для вскрытия.

Это открытие ожесточило её. Она стала внимательнее, хитрее. Читая между строк отчётов, она поняла, что Феникс был мелким игроком. Настоящая власть в Академии принадлежала трем кафедрам, которые вели тихую войну:

Кафедра Стабилизации (к ней формально принадлежал Феникс). Их цель – контроль и подавление аномалий. Для них "Сфинкс" – угроза.

Кафедра Прикладной Теургии. Их цель – использовать энергию "Сфинкса" как ресурс, создать новую техномагию. Для них аномалии – сырьё.

Кафедра Истории Предтеч (самая старая и бедная). Их цель – понять "Сфинкс" и его экипаж. Для них Анела и ей подобные – ключ к диалогу с прошлым.

Феникс, оказывается, воровал образцы не для Стабилизации, а тайно продавал их Теургам, подставляя своих начальников и зарабатывая "Чертежи" для собственного прыжка наверх. Анела стала его слабым звеном, живым свидетелем.

Развязка наступила, когда он получил заказ на образец особой чистоты – кристаллический "след" из сердца крупной аномалии в Западных шахтах. Это было слишком опасно даже для Анелы. Но отказаться значило быть выброшенной обратно в "Нижнее Стекло" или выданной Вульффу, чьи агенты, как она узнала, уже рыскали по Перевалу.

– Ты справишься, – сказал Феникс, его голос был гладким, как лезвие. – Или твоё место займёт кто-то другой. Может, тот парень, что пропал у Грека. Я нашёл, где он.

Это был открытый шантаж. В шахтах Анела едва не погибла, когда её попытка "успокоить" бушующий энергетический вихрь привела к обратной реакции – пробую. Вихрь, словно

живой, устремился в неё, пытаясь заполнить её изнутри. Её спасла только собственная, доведённая до точки кипения плоть. Когда вихрь уже рвал её изнутри, а сознание гасло, в ней что-то щелкнуло – не в ушах, а в самой глубине черепа, там, где жил тот самый гул. Это было похоже на хруст ломающейся кости, но внутри разума. И на мгновение она сама стала аномалией. Её тело выбросило импульс абсолютно чужеродной, немыслимой энергии – не магии Нитей, а чего-то древнего, мёртвого и холодного, как вакуум космоса. Вихрь вокруг неё схлопнулся, втянувшись в эту новую пустоту. Анела рухнула на колени, истекая из носа чёрной, блестящей на свету кровью, с чувством, что часть её самой навсегда исчезла в том щелчке, утянув за собой угрозу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.